

RU

Деконструкция роли «хранительницы очага» в драматургии А. Вампилова: хронотоп, перформативность и символика быта

Бронская Л. И., Егоров Д. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление механизмов художественной деконструкции архетипа «хранительницы очага» в пьесе А. Вампилова «Утиная охота» (1967) через анализ символики бытового пространства, гендерного перформанса и роли мужских персонажей как агентов патриархальной системы. В статье применен комплексный подход, сочетающий гендерный анализ (концепция перформативности Д. Батлер), деконструкцию (Ж. Деррида) и хронотопический метод (М. Бахтин). Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые выявлены: 1) механизмы инверсии традиционных символов домашнего очага (зеркало как паноптикум, одеяло как материализация неоплачиваемого труда); 2) паттерны провала гендерного перформанса героинь; 3) стратегии воспроизводства патриархата через бытовые практики. В результате исследования установлено, что Вампилов осуществляет радикальную критику архетипа не через дидактику, а посредством поэтики повседневности, трансформируя квартиру в хронотоп отчуждения. Доказано, что драматург художественно осмысляет феномены, получившие позднее теоретическое оформление в работах Джудит Батлер о социальной сконструированности гендерных ролей, обнажая тупиковость как следования традиционной роли, так и иллюзорного отказа от нее в рамках патриархальной структуры.

EN

Deconstruction of the “keeper of the hearth” role in A. Vampilov’s dramaturgy: chronotope, performativity, and the symbolism of everyday life

L. I. Bronskaya, D. V. Egorov

Abstract. The research aims to identify the mechanisms of artistic deconstruction of the “keeper of the hearth” archetype in A. Vampilov’s play “Duck Hunting” (1967) through the analysis of the symbolism of domestic space, gender performance, and the role of male characters as agents of the patriarchal system. The paper employs a comprehensive approach combining gender analysis (J. Butler’s concept of performativity), deconstruction (J. Derrida), and the chronotopic method (M. Bakhtin). The scientific novelty of the research lies in the fact that it identifies for the first time: 1) mechanisms for inverting traditional symbols of the home (the mirror as a panopticon, the blanket as a materialization of unpaid labor); 2) patterns of failure of the heroines’ gender performance; 3) strategies for reproducing patriarchy through everyday practices. The study concludes that Vampilov carries out a radical critique of the archetype not through didactics, but through the poetics of everyday life, transforming the apartment into a chronotope of alienation. It is proven that the playwright artistically comprehends phenomena that later received theoretical formulation in Judith Butler’s works on the social construction of gender roles, exposing the dead-end of both following the traditional role and the illusory rejection of it within the patriarchal structure.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления женских образов в советской драматургии 1960-х гг. через призму современной гендерной теории. Несмотря на официальную риторику равенства, архаичный архетип «хранительницы очага» сохранял статус нормативного идеала, ограничивая женскую субъектность сферой дома. Драматургия Александра Вампилова представляет уникальный феномен художественной деконструкции данного архетипа через анализ повседневных практик.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать символику бытового пространства (квартира Зилова) как хронотопа отчуждения, выявив механизмы десакрализации традиционного архетипа «домашнего очага»;
- исследовать семиотику ключевых вещей-символов (зеркало, одеяло, иконка, атрибуты охоты) в пьесе, раскрывая их роль как инструментов критики патриархата и обесценивания женского труда;
- выявить паттерны провала гендерного перформанса героинь (Галины и Валерии), демонстрируя тупиковость как следования архаичному сценарию «хранительницы», так и иллюзорности «эмансипированности»;
- обосновать роль мужских персонажей (Зилова, Саяпина, Кушака) как агентов патриархальной системы, воспроизводящих репрессивные нормы через анализ их взаимодействий, оценок женских перформансов и создания дисциплинарного поля (на основе гендерного подхода и теории власти).

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Хронотопический анализ (М. Бахтин) позволил выявить механизмы трансформации квартиры Зилова в пространственно-временной континуум отчуждения и десакрализировать архетип «домашнего очага»; семиотика повседневности в сочетании с деконструкцией (Ж. Деррида), позволила раскрыть роль вещей-символов (зеркало, одеяло) как инструментов критики патриархата и обесценивания женского труда; концепция гендерного перформанса (Д. Батлер) дала возможность исследовать паттерны провала ролевых стратегий героинь (Галины, Валерии) и обосновать функцию мужских персонажей как агентов воспроизводства репрессивных норм.

Материалом исследования послужила драматургия А. Вампилова с фокусом на пьесу «Утиная охота» как ключевой текст для деконструкции архетипа «хранительницы очага» через призму хронотопа, перформативности и символики быта. Основу анализа составил текст пьесы, исследуемый на предмет репрезентации женских ролей, домашнего пространства, перформативных практик в быту и значимых бытовых символов.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области гендерной теории и перформативности (Батлер, 2022; де Бовуар, 1997), методологии деконструкции (Деррида, 2000), хронотопического анализа (Бахтин, 1975) и семиотики повседневности, а также исследования советского гендерного порядка (Гапова, 2020; Петрова, 2023; Dunham, 1990).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания истории советской драматургии и гендерных исследований в литературоведении, при разработке и чтении академических курсов по теории театра и интерпретации драматургического текста, а также в театральной педагогике для анализа сценического пространства и работы с персонажами при постановках пьес Вампилова; кроме того, представленный комплексный подход к анализу хронотопа, перформативности и символики быта может служить основой для создания учебных пособий по семиотике художественного текста и применяться в современных социокультурных дискуссиях о трансформации гендерных ролей при разработке просветительских программ.

Обсуждение и результаты

1. Теоретические основания: архетип, деконструкция и гендерный подход

Традиционный архетип «хранительницы очага», укорененный в мифологии (Гестия, Пенаты) и фольклоре (Дмитриева, 2013, с. 18), к середине XX века кристаллизовался в патриархальном обществе как нормативный идеал женственности, связывающий идентичность женщины исключительно с домом, служением семье и поддержанием бытового уюта (Гапова, 2020, с. 35). Симона де Бовуар (1997, с. 234) убедительно показала, как подобные архетипы становятся инструментом конструирования «Другого», ограничивая женскую субъектность рамками «предназначения». Деконструкция как методологический подход позволяет разобрать бинарные оппозиции «мужское/женское», «дом/свобода», «публичное/приватное», выявив скрытые властные отношения и маргинальность, замаскированные под «естественность» (Деррида, 2000, с. 102). Концепция гендерного перформанса Джудит Батлер (2022) принципиально важна для анализа драматургии Вампилова: роль «хранительницы очага» предстает не сущностной, а перформативной – постоянно воспроизводимым набором действий и жестов, соответствующих социальным ожиданиям. Успешность этого перформанса зависит от признания его окружающими, а его провал обнажает условность и репрессивность самой роли (Вампилов, 1976, с. 115-117). Исследования советского гендерного порядка (Гапова, 2020, с. 15-17; Петрова, 2023, с. 134) показывают, что в 1960-е гг., на которые пришлось творчество Вампилова, давление традиционного архетипа оставалось чрезвычайно сильным, несмотря на официальную риторику равенства. Женщину обязывали быть хорошей женой и матерью, создавать уютный дом и быть хранительницей нравственности семьи. Ее реализация изображалась как лежащая в частной сфере, даже в то время, когда государство прославляло достижения женщин в публичной сфере труда и политики (Dunham, 1990, p. 307).

2. Квартира Зилова: десакрализация очага как хронотоп отчуждения

В пьесе «Утиная охота» квартира Виктора Зилова становится ключевым пространственно-временным континуумом (хронотопом), где происходит деконструкция архетипа «хранительницы» (Смирнов, 2004; Тихоненко, 2021, с. 175). Вопреки фольклорному и культурному коду, где дом/очаг – сакральное пространство тепла, безопасности и продолжения рода (Деменева, 2008, с. 22-25), квартира Зилова лишена подлинности и гармонии. Это пространство отчуждения, фальши и духовной пустоты (Богданова, Тихоненко, 2019, с. 74). Его архитектура (узкие проходы, разделяющие стены, функциональный, но безличный интерьер) создает

ощущение ловушки, клетки (Ahmed, 2014, p. 12). Атмосфера «тусклого мира» квартиры (Тихоненко, 2021, с. 175) резко контрастирует с символическим пространством «утиной охоты» – мечтой о свободе, природе, аутентичном существовании, которое оказывается для героев недостижимым (Бовуар, 1997, с. 75). Этот контраст подчеркивает, что традиционный «очаг» в условиях советской урбанистической повседневности и кризиса межличностных отношений утратил свою сакральную функцию и превратился в оболочку, симулякр (Тихоненко, 2021, с. 182).

2.1. *Вещи-символы: знаки несвободы и нереализованности*

Деконструкция архетипа осуществляется Вампиловым во многом через символику вещей, наполняющих квартиру Зилова. Каждый предмет обретает метафорическое значение, подрывающее идеал «хранительницы».

Зеркало: неоднократно упоминаемый в пьесе предмет. Оно не отражает истинную сущность персонажей, а искажает ее, создавая «анаморфозы лиц» (Иванова, Смирнов, 2012, с. 20), служит инструментом самообмана и отчуждения, что отмечалось в исследованиях художественных особенностей пьесы (Деменева, 2008, с. 233). Героини, глядя в него, видят не себя, а навязанную маску, что подчеркивает разрыв между перформансом роли и внутренним состоянием.

Иконка: традиционно символ веры, надежды, духовной опоры и семейных ценностей. В контексте квартиры Зилова она теряет сакральный смысл, становясь знаком заточения в устаревших традициях, напоминанием о нереализованных духовных исканиях и экзистенциальной пустоте (Бовуар, 1997, с. 76), превращаясь в симулякр традиции (Рыбальченко, 2020, с. 104).

Одеяло на диване: этот предмет быта, призванный символизировать уют, превращается в пародию на него (Петрова, 2023, с. 145). Его «давящая тяжесть» визуализирует бремя обязанностей, лежащее на женщине, и отсутствие подлинного тепла, символизируя материализацию женского неоплачиваемого труда (Ковтун, Бурылова, 2023, с. 70).

Атрибуты охоты: мужские символы свободы, мечты, бегства от постылой реальности. Их присутствие в квартире лишь подчеркивает недоступность аналогичного выбора для женщин. Галина психологически и социально привязана к дому, ее «охота» – это тщетные попытки найти выход в рамках отведенной роли (Тихоненко, 2021, с. 184).

2.2. *Вещи-символы: семиотика повседневности и критика патриархата*

Углубляя анализ семиотики вещей, важно отметить, что Вампилов использует бытовой фетишизм как инструмент критики. Вещи в квартире Зилова не просто отражают несвободу, но активно *конструируют* отношения власти. Одеяло, навязчиво присутствующее в пространстве, символизирует не только тяжесть обязанностей, но и материализацию женского неоплачиваемого труда, его обесцененность в системе патриархальных ценностей (Богданова, Тихоненко, 2019, с. 75). Зеркало функционирует как паноптикум (М. Фуко): под его незримым взглядом героини вынуждены постоянно корректировать свой перформанс, сверяясь с навязанным идеалом (Деррида, 2000, с. 22). Иконка, лишенная сакрального контекста, превращается в симулякр традиции (Ж. Бодрийяр), пустую форму, которая лишь подчеркивает утрату духовных ориентиров и невозможность найти в них утешение (Рыбальченко, 2020, с. 104). Охотничье ружье Зилова не просто символ мужской свободы, но и знак гендерной сегрегации пространства: «охота» маркирована как исключительно мужская зона активности, тогда как квартира – «естественная» женская сфера, границы которой героиням преодолеть не удастся (Тихоненко, 2021, с. 95). Этот семиозис быта позволяет Вампилову показать, как патриархальные структуры воспроизводятся на микроуровне повседневных практик и предметного окружения.

3. *Героини в ловушке перформанса: Галина и Валерия*

Женские образы пьесы наглядно демонстрируют провал гендерного перформанса в условиях кризиса традиционного архетипа.

3.1. *Галина: кризис перформанса «жены-хранительницы»*

Галина искренне пытается соответствовать роли жены и хранительницы домашнего очага (Тихоненко, 2021, с. 175). Ее действия (забота о быте, терпение, попытки сохранить семью) – это воспроизведение ожидаемого перформанса (Гапова, 2020, с. 16). Однако пространство квартиры-ловушки и равнодушие/измены Зилова делают этот перформанс бессмысленным и мучительным. Ее реплики («Не знаю, чего хочу...») – яркое свидетельство экзистенциального кризиса, вызванного невозможностью реализовать свои желания и амбиции в рамках навязанной роли. Ее страдания и финальный уход – это не просто личная драма, а обнажение насилия, скрытого в самом архетипе «хранительницы» (Вампилов, 1976, с. 121). Квартира становится сценой ее неудавшегося перформанса, а вещи – реквизитом, подчеркивающим фальшь роли.

3.2. *Валерия: маска «эмансипированности» как новая ловушка*

Валерия, в противовес Галине, демонстрирует перформанс «современной», эмансипированной женщины: цинизм, независимость, свободу от условностей (Тихоненко, 2021, с. 175). Однако ее поведение – это лишь новая маска, за которой скрывается зависимость от мужского внимания (Саяпин) и глубокое духовное неблагополучие. Ее «свобода» оказывается иллюзорной, новой формой заточения в рамках патриархальной системы, лишь инвертировавшей сценарий (Богданова, Тихоненко, 2019, с. 76). Образ Валерии развенчивает иллюзии о возможности простого отказа от традиционной роли без преодоления самих патриархальных структур (Гапова, 2020, с. 16). Ее образ также отражает гендерные стереотипы, характерные для советской драматургии этого периода (Петрова, 2023, с. 138).

3.3. *Поиск идентичности vs Перформативные тупики*

Ни Галина, ни Валерия не обретают подлинной идентичности. Их внутренние конфликты – прямое следствие несоответствия между перформативными требованиями архаичного («хранительница») или поверхностно-

современного («эмансипированная») сценария и их экзистенциальными потребностями в самореализации и аутентичности (Батлер, 2022, с. 162). Вампилов мастерски показывает тупиковость обеих стратегий в условиях сохраняющегося патриархата, не предлагая, однако, внятной альтернативы, что отражает историческую ограниченность эпохи (Богданова, Тихоненко, 2019, с. 74-76).

3.4. Роль мужских персонажей как «агентов патриархата»

Деконструкция архетипа «хранительницы» невозможна без анализа фигур, поддерживающих и воспроизводящих патриархальный порядок. Зилов, Саяпин, Кушак – не просто неудачники или циники; они агенты патриархата, которые постоянно регламентируют и оценивают женские перформансы (Бовуар, 1997, с. 76).

Зилов: его инфантилизм, измены, циничное отношение к Галине – не просто черты характера, а проявление патриархальной привилегии на безнаказанность и эмоциональную недоступность. Его мечты об охоте – бегство от ответственности, которую традиционно возлагает на женщину «очаг» (Смирнов, 2004, с. 15), иллюстрируя конфликт между личностью и социальной ролью (Чербаева, 2014, с. 103). Его реплики в адрес Галины («Ты же умная женщина», «Успокойся» (Вампилов, 1976, с. 228)) – формы газлайтинга, минимизирующие ее переживания и утверждающие его право определять нормы ее поведения.

Саяпин и Кушак: их «мужская солидарность» (насмешки, пошлые шутки, обмен любовницами) создает атмосферу токсичной маскулинности, где женщина объективируется. Их взаимодействие с Валерией строится на эксплуатации ее «эмансипированности» как разрешения на пренебрежение, подчеркивая, что отказ от одной роли не гарантирует уважения к другой. Мужские персонажи формируют дисциплинарное поле, в котором героини вынуждены существовать и чьи негласные законы они безуспешно пытаются обойти или удовлетворить. Мужское коллективное равнодушие или агрессия – механизм поддержания статус-кво (Левшина, 2018, с. 217).

4. Деконструкция как новаторство: Вампилов в контексте эпохи

Деконструкция архетипа «хранительницы очага» средствами символики бытового пространства и изображения провала гендерного перформанса составляют новаторство Вампилова в контексте его творчества (Гушанская, 1990). В отличие от «деревенской прозы» (В. Распутин, В. Астафьев), идеализировавшей «вечную женственность» и жертвенность, Вампилов обнажает глубокий кризис этой модели в городской среде. Его подход предвосхищает драматургию «новой волны» (Л. Петрушевская): акцент на маргинальности женского опыта, десакрализацию быта, внимание к неудавшимся перформансам идентичности (Клименкова, 1996, с. 48), что также отмечалось в исследованиях проблем поэтики вампиловской драматургии. Использование вещей-символов как инструмента критики патриархальных норм остается актуальным и в современном искусстве. Вампиловская постановка вопроса о возможности женской самореализации вне репрессивных рамок «очага» сохраняет свою острую актуальность в контексте современных гендерных дискуссий (Азарова, Савкина, 2020, с. 132). Вампилов, работая в 1960-е годы в условиях советской театральной цензуры, предвосхитил ключевые идеи современной гендерной теории (социальная сконструированность ролей, перформативность, теория Джудит Батлер).

Новаторство Вампилова заключается не только в критике архетипа, но и в разрушении самого языка его описания. Он избегает прямых обличительных монологов героинь. Вместо этого деконструкция происходит через:

- парадоксальность ситуаций: попытка Галины создать уют (приготовление ужина) совпадает с телефонным звонком любовницы Зилова, мгновенно превращая «домашний ритуал» в фарс и обнажая фальшь ее усилий (Рыбальченко, 2020, с. 122);

- «говорящие» паузы и недосказанности: молчание Галины после сцен измен или унижений красноречивее слов свидетельствует о невозможности выразить свою боль в рамках допустимого женского поведения («приличная женщина не скандалит» (Петрова, 2023, с. 146));

- инверсию символов: предметы, традиционно обеспечивающие комфорт (диван, чай), в контексте квартиры Зилова становятся источниками дискомфорта и разобщенности, визуализируя крах самой идеи «очага» как гаранта стабильности (Петрова, 2023, с. 147);

- абсурдность финала: самоубийство (или его имитация) Зилова в финале – не просто личная трагедия, но крайняя точка абсурда системы, где разрушены все традиционные опоры (дружба, любовь, дом) и роль «хранительницы» окончательно теряет смысл. Галина уже ушла, оставив «очаг» пустым и ненужным (Бовуар, 1997, с. 77; Смирнов, 2004, с. 20). Этот финал также может быть проанализирован через призму аффекта как культурной политики.

Вампилов создал уникальный художественный механизм деконструкции патриархального архетипа. Через хронотоп квартиры-ловушки, символику вещей-репрессоров, провал женских перформансов и демонстрацию мужчин как агентов системы он показал несостоятельность «хранительницы очага» как нормы в условиях отчужденной советской повседневности. Его метод, основанный на парадоксе, инверсии и абсурде, стал прорывом, предвосхитившим ключевые направления современной гендерной критики и новой драмы.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Проведенное исследование демонстрирует, что драматургия Александра Вампилова, в частности пьеса «Утиная охота», осуществляет радикальную деконструкцию архаичного архетипа «хранительницы очага» не через прямую полемику, а посредством глубокого символизма бытового пространства и анализа кризиса гендерного перформанса. Основные результаты исследования позволяют утверждать следующее:

1. Анализ символики бытового пространства выявил, что квартира Зилова функционирует как хронотоп отчуждения, где происходит радикальная десакрализация традиционного архетипа «домашнего очага». Пространственная организация (ловушка, клетка) и атмосфера (фальшь, духовная пустота) трансформируют дом из сакрального пространства безопасности и тепла в континуум несвободы и отчуждения, подрывая саму основу роли «хранительницы» в условиях советской урбанистической повседневности.

2. Исследование семиотики ключевых вещей-символов показало, что предметы быта (зеркало, одеяло, иконка, атрибуты охоты) становятся инструментами критики патриархальной системы. Зеркало функционирует как паноптикум, контролирующей женский перформанс; одеяло материализует бремя неоплачиваемого труда и репрессивность роли; иконка-симулякр обнажает утрату духовных ориентиров; а охотничьи атрибуты маркируют гендерную сегрегацию пространства, подчеркивая недоступность мужской свободы для женщин. Их символика разоблачает механизмы обесценивания женского труда и субъектности.

3. Выявление паттернов провала гендерного перформанса героинь продемонстрировало тупиковость обеих стратегий женственности в патриархальном обществе. Галина воплощает крах попыток соответствовать архаичному сценарию «хранительницы» в пространстве, лишенном подлинности, что обнажает насилие, сокрытое в архетипе. Валерия иллюстрирует провал «эмансипированности» как простого отказа от традиционной роли, оказываясь в инвертированной форме зависимости. Оба сценария ведут к экзистенциальному кризису и невозможности подлинной самореализации.

4. Обоснование роли мужских персонажей подтвердило, что Зилов, Саяпин и Кушак выступают агентами патриархальной системы, активно воспроизводящими репрессивные нормы. Их поведение (инфантилизм, цинизм, измены, объективация женщин, газлайтинг) и «мужская солидарность» создают дисциплинарное поле, оценивающее и регулирующее женские перформансы. Они являются ключевым механизмом поддержания статус-кво и условности гендерных ролей.

Проведенный анализ механизмов деконструкции архетипа «хранительницы очага» в пьесе А. Вампилова «Утиная охота» открывает ряд перспективных направлений для дальнейшего исследования:

1. Сравнительный анализ гендерных моделей в драматургии Вампилова. Углубленное изучение женских образов и стратегий деконструкции патриархальных норм в других пьесах Вампилова («Старший сын», «Прошлым летом в Чулимске», «Провинциальные анекдоты») для выявления эволюции взглядов драматурга и специфики репрезентации гендерных отношений в разных контекстах.

2. Рецепция и интерпретация в театральных постановках. Исследование того, как выявленные механизмы деконструкции (хронотоп отчуждения, семиотика вещей, провал перформанса) воплощаются и трансформируются в различных сценических интерпретациях «Утиной охоты» на разных исторических этапах (советский, постсоветский, современный), включая анализ режиссерских концепций и актерских трактовок образов Галины и Валерии.

3. «Утиная охота» в контексте советского гендерного порядка 1960-х гг. Более детальное изучение пьесы как источника для понимания противоречий официальной риторики равенства и реальных практик воспроизводства патриархата в быту и межличностных отношениях эпохи «оттепели». Это предполагает привлечение более широкого круга историко-социологических и культурологических работ о советском гендере.

Перспективы дальнейшего исследования видятся также в расширении теоретической базы за счет включения, например, концепций телесности или анализа дискурсивных практик для более полного понимания способов конструирования и деконструкции гендерных ролей в художественном тексте. Начатое исследование создает основу для комплексного изучения вампиловской картины мира сквозь призму гендерных отношений, пространства и повседневности.

Материалы исследования | Research materials

1. Вампилов А. В. Дом окнами в поле: пьесы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976.

Источники | References

1. Азарова Н. М., Савкина И. Л. Как делается гендер? Гендерные исследования в литературоведении. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2020.
2. Батлер Д. Гендерное беспокойство. Феминизм и подрыв идентичности / пер. с англ. А. В. Кириченко, А. Баблюяна. СПб.: Изд-во РХГА, 2022.
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
4. Бовуар С. де. Второй пол: в 2 т. / пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой. М. – СПб.: Прогресс; Алетейя, 1997. Т. 1. Факты и мифы; Т. 2. Жизнь женщины.
5. Богданова О. В., Тихоненко В. А. Герой и мотивная система «Утиной охоты» А. Вампилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 4. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.68>
6. Гапова Е. Классовый пол: советская женщина между трудом, семьей и социалистическим проектом // Социология власти. 2020. Т. 32. № 1.
7. Гушанская Е. М. Александр Вампилов: очерк творчества. Л.: Советский писатель, 1990.

8. Деменева К. А. Художественные особенности «Утиной охоты» А. Вампилова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3.
9. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина; под ред. В. В. Бибикина. М.: Академический проект, 2000.
10. Дмитриева Л. В. Семейный огонь и культ домашнего очага в фольклоре коренных народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2.
11. Иванова В. Я., Смирнов С. Р. «Зеркальные миры» А. Вампилова в пьесе «Утиная охота»: анаморфозы лиц, мотивов, времени // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4.
12. Клименкова Т. А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М.: Преображение, 1996.
13. Ковтун Н. В., Бурылова А. В. Трансформация женских образов в жанре рождественского рассказа: от традиционалистской прозы к текстам XXI в. // Сибирский филологический форум. 2023. № 3 (24).
14. Левшина Н. Н. Драматургия Александра Вампилова: проблемы поэтики. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2018.
15. Петрова М. А. Гендерные стереотипы в советской драматургии 1960-1970-х годов: А. Вампилов, В. Розов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 3.
16. Рыбальченко Т. Л. Символика вещей в драматургии А. Вампилова: семиотический аспект // Культура и текст. 2020. № 3 (42).
17. Смирнов С. Р. Драматургия А. В. Вампилова как художественная система. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета, 2004.
18. Тихоненко В. А. Хронотоп в драматургии А. Вампилова: «Утиная охота» и «Прошлым летом в Чулимске» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73.
19. Чербаева О. В. Личность или социальная роль? (проблема героя в произведениях А. В. Вампилова и Ю. М. Полякова) // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2014. № 8-7 (11).
20. Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. 2nd ed. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.
21. Dunham V. S. In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Enlarged and updated ed. L.: Duke University Press, 1990.

Информация об авторах | Author information



Бронская Людмила Игоревна¹, д. филол. н., проф.
Егоров Дмитрий Васильевич²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь



Lyudmila Igorevna Bronskaya¹, Dr
Dmitriy Vasilevich Egorov²

^{1, 2} North-Caucasus Federal University, Stavropol

¹ libron@yandex.ru, ² d.egorov9@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.06.2025; опубликовано online (published online): 06.08.2025.

Ключевые слова (keywords): архетип «хранительница очага»; художественная деконструкция; хронотоп отчуждения; гендерный перформанс; А. Вампилов «Утиная охота»; archetype “keeper of the hearth”; artistic deconstruction; chronotope of alienation; gender performance; A. Vampilov “Duck Hunting”.